

Гарин Сергей Вячеславович

ЛЕКСИКА ГНЕВА И ЯРОСТИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СЕПТУАГИНТЫ

Рассматриваются лексические формы понятий *????* и *?????* в текстах Септуагинты. Выявляются их архаичные гомеровские корни. Показываются их лексико-семантические трансформации в рамках эллинистического койне – особой стадии в развитии древнегреческого языка. В статье ставится задача показать лексическое отражение мощных эмоциональных пластов гнева и ярости, характерных для древнегреческого этапа библейской лексики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 53-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Волков О. В. Наша вина и боль // Шаламовский сборник. Вологда: Грифон, 2002. Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. С. 39-43.
2. Волкова Е. В. Парадоксы катарсиса Варлама Шаламова // Вопросы философии. 1996. № 11.
3. Исаев И. С. Первые и последние встречи // Шаламовский сборник. Вологда: Грифон, 1997. Вып. 2 / сост. В. В. Есипов. С. 89-97.
4. Михайлик Е. Ю. Незамеченная революция // Антропология революции: сб. ст. по мат-лам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение», Москва, 27-29 марта 2008 года. М., 2009. Т. 76. С. 178-204.
5. Неклюдов С. Ю. Третья Москва // Шаламовский сборник. Вологда, 1994. Вып. 1 / сост. В. В. Есипов. С. 162-166.
6. Солженицын А. С Варламом Шаламовым: воспоминания // Новый мир. 1999. № 4. С. 163-169; № 9. С. 236-237.
7. Соловьёв С. М. Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция // Человек. 2012. № 3. С. 140-148.
8. Тынянов Ю. Н., Новиков В. И. Литературная эволюция: избранные труды. *Agraf*, 2002. 495 с.
9. Фомичёв С. А. По пушкинскому следу // Шаламовский сборник. Вологда: Грифон, 2002. Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. С. 71-91.
10. Шаламов В. Т. Звуковой повтор — поиск смысла // Семиотика и информатика. М., 1976. Вып. 7. С. 128-144.
11. Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / сост., предисл., примеч. И. П. Сиротинской. М.: ЭКСМО, 2004. 1066 с.
12. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6-ти т. М.: Терра-книжный клуб, 2005. Т. 5. Эссе и записные книжки. 384 с.
13. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6-ти т. М.: Терра-книжный клуб, 2005. Т. 6. Переписка. 608 с.
14. Шаламовский сборник: сб. статей / сост. и ред. В. В. Есипов, С. М. Соловьёв. М.: Литера, 2011. Вып. 4. 256 с.
15. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Поэтика. Пг., 1919. С. 101-114.
16. Adorno T. W. Erziehung nach Auschwitz // Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. Band 10.2. Kulturkritik und Gesellschaft II. S. 674-690.

«AS SOON AS I HEAR WORD –GOOD» – I TAKE THE CAP AND LEAVE...». CONFLICT OF VARLAM SHALAMOV WITH HIS CONTEMPORARIES IN THE SPHERE OF LITERATURE THEORY

Gavrilova Anna Petrovna

*Peoples' Friendship University of Russia
a.p.gavrilova@gmail.com*

The author raises the problem of modernist-writers' prose and formalism theory influence on a "new prose" of Varlam Shalamov, and analyzing writer's artistic principles comes to the conclusion that the disagreements in the sphere of artwork played a significant role in changing the relationship of Varlam Shalamov and his circle of writers, including Nadezhda Mandel'shtam and Georgii Demidov.

Key words and phrases: history of literature of the XXth century; poetics; modernism; formalism; Varlam Shalamov; Society for the Study of Poetic Language; "New Left Front of the Arts".

УДК 821:14

Филологические науки

Рассматриваются лексические формы понятий ὄρουῖ и θυμός в текстах Септуагинты. Выявляются их архаичные гомеровские корни. Показываются их лексико-семантические трансформации в рамках эллинистического койне – особой стадии в развитии древнегреческого языка. В статье ставится задача показать лексическое отражение мощных эмоциональных пластов гнева и ярости, характерных для древнегреческого этапа библейской лексики.

Ключевые слова и фразы: θυμός (дух, душа, мужество, гнев); στήθος (грудь); βούλη (воля); ὄρουῖ (ярость); υστῆ (душа); πνεῦμα (дух-душа); субстанция; месть.

Гарин Сергей Вячеславович, к. филос. н., доцент
*Кубанский государственный университет
svgarin@gmail.com*

ЛЕКСИКА ГНЕВА И ЯРОСТИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СЕПТУАГИНТЫ®

Интерес к понятиям θυμός и ὄρουῖ, к их историческим смысловым контекстам основан на том, что они отражают не только лексические дифференциации античной архаики по отношению к эллинистическому койне и новогреческому языку. Прагматика θυμός'а в различные исторические эпохи античности концентрирует принципиально разные типы архитектуры человеческого сознания, души и шире – внутреннего мира человека. Так, θυμός, в его гомеровском прочтении, фиксирует утраченные семантические горизонты, окружавшие грека в период архаики, горизонты, уже мало понятные современникам Платона и Аполлония Родосского и совсем исчезнувшие с появлением христианских текстов Септуагинты.

Если в эпоху Гомера и Гесиода это слово семантически отражало самостоятельную функциональную часть внутреннего мира индивида, во многом предопределявшую его личностные качества, то в период высокой классики и эллинизма θυμός – это гипостазированное свойство, имеющее характер *акциденции*. В христианских текстах θυμός и ὀργή концентрируют область патологических эмоциональных состояний – гнева и ярости.

В четвертой книге гомеровской «Илиады» мы встречаем θυμός в указанном смысле: ὧς τὸν μὲν λίπε θυμός, ἐπ' αὐτῷ δ' ἔργον ἐτύχθη [5, b. 4, l. 470]. «Там покинул его дух, и дело пошло» (*пер. С. В. Гарин*). В песне пятой, «Подвиги Диомеда» говорится: πᾶσιν ὀρίνθη θυμός· ἀτὰρ γλαυκῶπις Ἀθήνη [Ibidem, l. 29] «Все духом смутились: и тогда сверкающая Афина...». Интересен момент подвиггов Диомеда, где Киприда отвечает Дионе: οὐτά με Τυδέος υἱὸς ὑπέρθυμος Διομήδης... [Ibidem, l. 376]. «Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев *надменный*...». Слово ὑπέρθυμος в русском языке передается прилагательными «надменный», благородный, горделивый – ни одно из этих слов семантически не связано с «духовным» в его центрально-жизненной семантике, как это имеет место в греческом тексте Гомера. Английский перевод данного места более близок к смысловой структуре оригинала: ὑπέρθυμος как *high-spirited, high-minded*.

В свидании Гектора с Андромахой θυμός варьируется от духовной семантики к сердечной, отражая *центр психики* как таковой: μαρνάμενοι περὶ ἄστρ· σὲ δ' ἐνθάδε θυμός ἀνήκεν [Ibidem, b. 6, l. 242]. «...близко город? И тебя устремило к нам сердце...». Здесь θυμός субстанциален и полнокровен, выражая Дух в его соматической локации *сердца*, как эмоционально-жизненного средоточия. Тематика θυμός'а в его соматической локации продолжается и в речи Андромахи Гектору: ἦ ποῦ τίς σφιν ἐνίσπε θεοπροπίων ἐῦ εἰδώς, ἦ νυ καὶ αὐτῶν θυμός ἐποτρύνει καὶ ἀνώγει [Ibidem, b. 4, l. 439]. «Верно о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый, или, возможно, самих устремляло их знающее сердце». И далее в этой же речи: ...οὐδὲ με θυμός ἀνώγει, ἐπεὶ μάθον ἔμμεναι ἐσθλός [Ibidem, b. 6, l. 444] – «сердце мне запретит; научился быть я бесстрашным». В «Единоборстве Гектора и Аякса» мы видим ту же субстанциальную тональность: ἦλθες ἀπ' Οὐλύμποιο, μέγας δέ σε θυμός ἀνήκεν; «Сходишь с Олимпа? К чему ты стремишься пламенным духом?» (*пер. С. В. Гарин*). Далее мы встречаем одно из интереснейших мест у Гомера, где θυμός обладает предельной субстанциальностью «души», локализованной в груди: ὧς ἐδαΐζετο θυμός ἐνὶ στήθεσσιν Ἀχαιῶν [Ibidem, b. 9, l. 8]. «Так разрывались души в груди благородных Ахейцев». Если раньше мы видели, что θυμός сам был либо *вектором локализации*, либо сердечным центром душевной жизни, то здесь θυμός – это *сама душа*, упомянутая *вместе* с локализацией. Локализация представлена «Στήθεσσιν» – существительным во множественном лице от στήθος – грудь. θυμός – не просто «сердце», но «душа» в ее целостности. В следующей строке у Гомера: Ἀτρεΐδης δ' ἄχρῃ μεγάλη βεβολημένος ἦτορ... Ἀτρεΐδης [Ibidem, l. 9], – где присутствует семантический аналог θυμός, понятие ἦτορ, выступающее смысловым эквивалентом «сердца». «Атрея сын, печалью глубокой в *сердце* пронзенный» (*пер. Н. И. Гнедич*). Поразительно, что в русском языке нет такого арсенала существительных, при помощи которых можно было бы передать разницу ἦτορ и θυμός, очевидную для гомеровского грека, поэтому в обоих случаях мы ставим привычное «сердце». Однако ἦτορ – это центр и сердце, взятые в их жизненно порождающих и *вмещающих* функциях. Как говорит великий *Liddell & Scott*, ἦτορ – это само основание, «место жизни», «the seat of life».

Справедливости ради нужно отметить, что у Гомера θυμός в очень редких случаях все-таки теряет субстанциальность и упоминается в акцидентальной атрибуции жажды, желания, позыва, когда синкретичным образом отождествляется то, что производит желание с самими желаниями как таковыми. Так, в 9-й песне, в речи Диомеда, мы видим: εἰ δέ τοι αὐτῷ θυμός ἐπέσσυται ὧς τε νέεσθαι [Ibidem, l. 42], – «Сам ты так сильно желаешь в дом свой вернуться» (*пер. С. В. Гарин*). Здесь θυμός ἐπέσσυται можно перевести как жажду в некоторой высшей степени и накале. Конечно, буквально в «ἐπέσσυται» (от «ἐπισεύφ») нет «огненно-пламенной» семантики, здесь, скорее, смысловые темы «возбужденности» и «экзальтации».

Однако уже в этой же песне, к сотым строкам, θυμός возвращается в привычно-гомеровский смысл центрального сердечно-духовного средоточия жизни человека: ...κρηῆναι δὲ καὶ ἄλλω, ὅτ' ἄν τινα θυμός ἀνώγη – «Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный...». И далее видим ту же самую тональность: τοῦ δ' ὠρίνετο θυμός ἀκούοντος κακὰ ἔργα [Ibidem, l. 595], «духом он взволновался, услышав о страшных делах».

θυμός в корпусе Септуагинты.

Рассматривая семантические вариации θυμός'а в текстах Септуагинты, мы сразу же попадаем в мощнейшее смысловое поле эмоциональной напряженности, борьбы и противостояния, где θυμός приобретает зловеющий, паранормальный характер, выражая ярость, гнев, ненависть и месть. Вообще, в Священном Писании содержится более пятисот выражений, так или иначе указывающих на гнев в его предельной артикуляции и ярости – «*гнева Божьего*».

Так, в первой книге Ветхого Завета «Бытие» (Γένεσις) мы сразу же видим θυμός в его акцидентально-предикативном виде, фиксирующем надрыв отрицательной *страсти*: ἐπικατάρατος ὁ θυμός αὐτῶν, ὅτι αὐθάδης, καὶ ἡ μήνις αὐτῶν, ὅτι ἐσκληρύνθη· διαμεριῶ αὐτοὺς ἐν Ιακωβ καὶ διασπερῶ αὐτοὺς ἐν

Ἰσραηλ [6, б. 4, л. 454] «...проклят гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове и рассею их в Израиле» (пер. С. В. Гарин). Примечательно, что церковно-славянский перевод этого же фрагмента содержит *конверсию ярости и гнева*: «проклят ярость ихъ, яко уп рна, и гн въ ихъ, яко ожесточися...». Там, где в синодальном переводе стоит *гнев*, там в церковно-славянском – *ярость* и наоборот. Это говорит о недифференцированности как семантической, так и прагматической составляющих указанных элементов языка в рассматриваемое время.

В ветхозаветной книге «Числа» (Ἀριθμοί) мы встречаем более сложную конструкцию, образованную от θυμός и усилительной приставки μακρό в констатации духовных качеств Творца: Κύριος μακρόθυμος καὶ πολυέλεος καὶ ἀληθινός, ἀφαιρῶν... [Ibidem, б. 14, л. 2] «Господь долготерпелив и многомилостив и истинен...».

Впрочем, без дополнительных морфологических элементов θυμός в ветхозаветной традиции неизбежно тяготеет к негативным эмоциональным состояниям в фазе надрыва: ...φυλάξεσθε τὰς φυλακὰς τῶν ἁγίων καὶ τὰς φυλακὰς τοῦ θυσιαστηρίου, καὶ οὐκ ἔσται θυμὸς ἐν τοῖς υἱοῖς Ἰσραηλ [Ibidem, б. 5, л. 3]. «Так отправляйте службу во святилище и при жертвеннике, дабы не было впредь *гнева* на сынов Израилевых». И далее – ἃς κατέστρεψεν κύριος ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ... [Ibidem, л. 72]. Синодальная версия: «...которые ниспроверг Господь во *гневе* Своем и в *ярости* Своей».

Книга Исаяи. Θυμός как месть. В видении Исаяи, рассказывающемся согрешившему народу Израилеву, мы встречаем новые семантические обертона эмоциональной отрицательности θυμός'а: διὰ τοῦτο τάδε λέγει ὁ δεσπότης κύριος σαβαωθ Οὐαὶ οἱ ἰσχύοντες Ἰσραηλ· οὐ παύσεται γὰρ μου ὁ θυμὸς ἐν τοῖς ὑπεναντίοις, καὶ κρίσιν ἐκ τῶν ἐχθρῶν μου ποιήσω [Ibidem, б. 24, л. 2]. «Посему говорит Господь, Господь Саваоф, Сильный Израилев: о, удовлетворю Я Себя над противниками Моими и отмщу врагам Моим!». Здесь, как видно, тьмос выступает предельной эмоциональной формой мщения. Кстати именно этот фрагмент текста содержит знаменитый дискуссионный термин κύριος, стоящий в ряде списков Септуагинты вместо еврейского «Яхве».

Гнев. Θυμός и ὀργή. Эмоциональные флуктуации гнева, как правило, лексически отражаются в соседстве терминов – θυμός и ὀργή. В следующем пассаже Исаяи присутствуют оба понятия, отображающие это: καὶ ἐθυμώθη ὀργῇ κύριος σαβαωθ ἐπὶ τὸν λαὸν αὐτοῦ, καὶ ἐπέβαλεν τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἐπάταξεν αὐτούς, καὶ παρωξύνθη τὰ ὄρη, καὶ ἐγενήθη τὰ θνησιμαῖα αὐτῶν ὡς κοπρία ἐν μέσῳ ὁδοῦ. καὶ ἐν πᾶσι τούτοις οὐκ ἀπεστράφη ὁ θυμός, ἀλλ' ἔτι ἡ χεῖρ ὑψηλή [6, б. 5, л. 25]. Интересно, что синодальный перевод не реагирует на различие θυμός'а и ὀργῇ, передавая все одним термином *гнев*: «За то возгорится гнев Господа на народ Его, и прострет Он руку Свою на него и поразит его, так что содрогнутся горы, и трупы их будут как помет на улицах. И при всем этом гнев Его не отворачивается, и рука Его еще будет простерта».

В старославянской версии Ветхого Завета, в тексте, который ближе к греческим первоисточникам, мы встречаем более точную, дифференцированную артикуляцию гнева и *ярости*: «И възьярися гн вомъ Госп дъ Сава ъ на люди своя, и наложи р ку свою на нихъ, и порази ихъ: и раздражишася г ры, и быша тр пи ихъ яко гн й посред пути. И во вс хъ сихъ не отвратися ярость ег , но ещё рук ег высок» [1, кн. 5, л. 24]. Примечательно, что ὀργῇ κύριος σαβαωθ в синодальном переводе превратилось в «гнев Господа», тогда как в раннеславянском тексте мы встречаем «гн вомъ Госп дъ Сава ъ».

Таким образом, библейский корпус текстов развивает главным образом акцидентально-периферийные смысловые пласты гомеровского θυμός'а, наделяя их экзальтацией и аффективностью.

Таким образом, обобщая вышесказанное, если для гомеровской эпохи θυμός концентрировал живительные смыслы целостности, субстанциальности, первичности, подвижности, зачастую, непосредственности духа, то уже во время Платона это понятие приобрело характер акциденции, выражающей опосредованные вторичные свойства и производные чего-то онтологически предшествующего. В эпоху греческих христианских писателей θυμός стал отражать области интенсивной по накалу эмоциональной патологии (ярость, ненависть, гнев), агрессии и экзальтации. Именно в этом смысловом обрамлении понятие θυμός и осело в современные словари новогреческого языка.

Список литературы

1. Библия в церковнославянском переводе. М.: Печатный Дворъ, 1900. 618 с.
2. Коваленко М. Д. К вопросу об оппозиции настоящего времени и аориста в древнегреческом языке (на материале заметок профессора А. А. Некрасова к русскому переводу Нового Завета) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 2. С. 92-95.
3. Шукуров Д. Л. Герменевтика божественного имени // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. Ч. 1. С. 216-218.
4. Aristotle. De anima. Oxford: Clarendon Press, 1967. 290 p.
5. Homerus. Ilias. Oxford: Clarendon Press, 1931. 311 p.
6. Septuaginta. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1971. 428 p.
7. The Greek New Testament. Stuttgart: Württemberg Bible Society, 1968. 290 p.

VOCABULARY OF ANGER AND FURY IN ANCIENT GREEK TEXTS OF SEPTUAGINT

Garin Sergei Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kuban' State University
svgarin@gmail.com

The author considers the lexical forms of notions *ὀργή* and *θυμὸς* in the texts of Septuagint, reveals their archaic Homeric background, shows their lexical-semantic transformations within the framework of Hellenistic Koine – a particular stage in the development of the ancient Greek language, and seeks to show the lexical representation of powerful emotional layers of anger and fury typical of the ancient Greek stage of biblical vocabulary.

Key words and phrases: *θυμὸς* (spirit, soul, courage, anger); *στῆθος* (chest); *βούλη* (will); *ὀργή* (fury); *ψυχή* (soul); *πνεῦμα* (spirit-soul); substance; revenge.

УДК 42/48

Филологические науки

В статье рассматриваются явления многозначности и полисемии в современном английском языке. Анализируются распространенные ошибки употребления некоторых лексических единиц. Основное внимание авторов акцентируют на проблемности перевода многозначных слов, связанных с менталитетом и мировоззрением носителей разных языков, что приводит к недопониманию.

Ключевые слова и фразы: многозначность; полисемия; лексическая единица; закрепившийся казуализм; слова-хамелеоны.

Гарифуллина Эльвира Ильдусовна, к. филол. н.

Кознова Ольга Александровна, к. психол. н.

Казанский национальный исследовательский

технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, Чистопольский филиал «Восток»

elviraig@mail.ru; olga-koznova@mail.ru

**ТРУДНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ ЛЕКСЕМ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Самыми интересными явлениями в современном английском языке являются многозначность (ambiguity) и полисемия (polysemy). Они возникают в тех случаях, когда давно известная и распространенная лексическая единица (ЛЕ) приобретает совсем другое, новое значение, способное преобладать над старым или даже вытеснить его.

Достаточно большое количество работ по теории лингвистики посвящено различиям между полисемией, многозначностью и синонимами. Как писала Анна Андреевна Зализняк, «одним из важнейших итогов развития семантической теории последних трех десятилетий является то, что многозначность стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» [2, с. 20]. С ней по существу согласен и Михаил Наумович Эпштейн: «У слов – волшебная растяжимость значений. Многозначность слова – не исключение, а правило в языке» [6, с. 5].

В английском языке эта многозначность слов выражена еще более отчетливо, и слово «awesome», изначально имеющее значение «устрашающий», «испытывающий страх», «испуганный», теперь используется в значении, которое совершенно расходится с общепринятым, что зачастую приводит в замешательство носителей языка. Перевод данной ЛЕ выглядит довольно неожиданно: «классный», «самый модный», «популярный».

Так как многозначные, «обманчивые» лексемы встречаются не так редко в английском языке, совершенно справедливо задаться вопросом: Чем обусловлено это многоликое словесное разнообразие? Эту проблему как нельзя лучше объясняет российский лингвист Анна Андреевна Зализняк: «Ныне мы знаем, что в истории любого языка происходят постепенные изменения на всех его уровнях: в фонетике, грамматике, значении слов. Конкретный характер этих изменений в разных языках и в разные эпохи различен. Различна скорость этих изменений. Но неизменным не остается ни один живой язык. Внешний облик слова в ходе истории может меняться чрезвычайно сильно, вплоть до полной неузнаваемости» [3].

В связи с тем, что английский язык постоянно обновляется не только за счет новых слов – меняется значение уже существующих, происходит постоянный и непрерывный процесс нарушения норм и стандартов в употреблении слов и выражений. В связи с этим возникают трудности при выборе английских ЛЕ не только у людей, изучающих английский язык, но и у самих носителей языка.

В результате, расхождение между старым и новым значением подчас становится совершенно очевидным: то, что подразумевает говорящий, и то, как понимает значение этих слов аудитория, может сильно